

Пирманова Назира Исмековна

ОТ ЯЗЫКА УРАЛЬСКИХ (ЯИЦКИХ) КАЗАКОВ - К ДУХОВНОЙ ВЕРЕ И КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются языковые особенности говоров уральских (яицких) казаков, отраженные в словаре Н. М. Малечи. Исследование семантики лексем и выражений, характеризующих значимые для старообрядцев-уральских казаков понятия, проводится с целью выявления этнокультурной информации. Исследованный материал позволяет расширить круг смысловых компонентов в структуре слов, определить своеобразие, сферу их использования, обнаружить связующие элементы между спецификой диалекта и христианскими традициями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 139-142. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматриваются языковые особенности говоров уральских (яицких) казаков, отраженные в словаре Н. М. Малечи. Исследование семантики лексем и выражений, характеризующих значимые для старообрядцев-уральских казаков понятия, проводится с целью выявления этнокультурной информации. Исследованный материал позволяет расширить круг смысловых компонентов в структуре слов, определить своеобразие, сферу их использования, обнаружить связующие элементы между спецификой диалекта и христианскими традициями.

Ключевые слова и фразы: говоры старообрядцев; уральские (яицкие) казаки; культура; «вера»; «истовость»; «крест».

Пирманова Назира Исмековна, к. филол. н.

Оренбургский государственный педагогический университет

nazira056@mail.ru

ОТ ЯЗЫКА УРАЛЬСКИХ (ЯИЦКИХ) КАЗАКОВ – К ДУХОВНОЙ ВЕРЕ И КУЛЬТУРЕ[©]

Словари говоров – ценнейшие источники информации об истории, культуре, духовной составляющей русского народа. Словарь говоров уральских (яицких) казаков Н. М. Малечи содержит сведения о языковых особенностях диалектной речи уральских казаков, культурных традициях, нравственных законах, исторических фактах. Исследование лексических единиц уральского диалекта позволяет открыть уникальный этнографический материал, познать искромётный, бойкий, живой язык уральских (яицких) казаков, или, как их ещё называли, «уральцев» [5]. Изучению особенностей казачьего уклада жизни, бытовой среды, многоцветья народного языка посвящены работы И. И. Железнова [Там же], Н. Ф. Савичева [12] и многих других известных этнографов и фольклористов.

Мы исследуем отражение старообрядчества как явления в словаре говоров уральских (яицких) казаков Н. М. Малечи, рассматривая культуру старообрядцев в языковом аспекте.

Нестора Михайловича Малечу, известного исследователя языка, фольклора, этнографии уральского казачества, называют «наследником В. И. Даля» [7, с. 22].

Н. М. Малеча отмечал: «лексика диалекта уральских казаков совершенно не исследована» [Там же, с. 24]. По утверждению Н. М. Щербанова, начало собирания и изучения духовной и материальной культуры уральских казаков было положено в XVIII веке в трудах П. И. Рычкова, П. С. Паласа, П. С. Рунича [Там же, с. 8]. До исследования Н. М. Малечи имелись лишь небольшие заметки о наречии уральцев В. И. Даля, И. И. Железнова и А. Б. Карпова, относящиеся к 50-90 гг. XIX в. [Там же, с. 12].

Староверие получило наибольшее распространение среди казаков Яицкого (Уральского) войска, которое в историко-культурологическом плане сформировалось как «особая этническая область, где старообрядчество было одним из главных составляющих ее культурных элементов» [6, с. 58]. Переселенцы XVII-XIX вв., обосновавшиеся на Оренбургской земле, в большинстве своем были сторонниками старой веры [15].

Словарь говоров уральских (яицких) казаков Н. М. Малечи – явление уникальное, в нём с необыкновенной точностью отражена самобытная культура уральских (яицких) казаков-старообрядцев. Известно, что языковые особенности диалектов старообрядцев на разных территориях России отличаются своеобразием. Исследования современных ученых посвящены анализу характерных особенностей словарного состава говоров старообрядцев (семейских) Амурской области [2], казачьих говоров Волгоградской области (шеститомный словарь казачьих говоров) и др.; представляют интерес работы, посвященные социокультурной маркированности казачества как особого субэтноса русского народа [10].

Предметом нашего исследования является лексика, отражающая особенности вероисповедания старообрядцев-уральских казаков. Говоры уральских (яицких) казаков, представленные в словаре Н. М. Малечи, распространены в правобережных районах Гурьевской и Уральской областей (Республика Казахстан) и в Первомайском, Илекском, Мустаевском (до 1957 г., ныне – часть Ташлинского района), Ташлинском районах Оренбургской области России. Здесь имеют место переходные, среднерусские говоры [7, с. 23].

В. И. Даль подчёркивал своеобразие языка уральских казаков и утверждал, что «уральца всюду узнать можно с первых слов» [4, с. 65].

Рассмотрим лексические единицы, отражающие наиболее значимые для старообрядцев понятия: «вера»; «истовость»; «истовый характер веры»; слова с корнем «крест»; лексику, означающую место молений; лексику, характеризующую обряды; устойчивые выражения и т.д.

Обратимся к характеристике лексических групп.

В жизни старообрядцев особый смысл имело слово «вера».

Вера – глубокое убеждение в реальности того, что не дано во внешней очевидности (вера в Бога, будущее; всецелое доверие Богу, убежденность в спасительную силу Христа). Вера основывается на преданиях церкви, прежде всего Библии [1, с. 44].

Понятие «вера» относит нас к вероисповеданию. Как утверждали сами казаки-старообрядцы, в их религии отмечалось три веры: 1) благословенская; 2) бессвященская – мы; 3) священская – московская [7, с. 204].

В словаре Н. М. Малечи сообщается: «*Две веры: старообрядческа и церковна. Старообрядцы московской веры. Отдали меня замуж за часовина, не нашей веры. Тогда веры московской были, а потом православной (говорит о себе и муже собеседница). Поморской веры – у нас чашками не мешались (посуда была отдельная). Старообрядцы австрицкой веры. Никудышна вера не допускала, ишобы православны косили на косилке. А у нас здесь, почитай, все дыркиной веры. Мы со всеми едим, не придерживаемся веры*» [Там же].

В приведённых иллюстрациях отражена информация о разных течениях старообрядчества (поморском толке, никудышниках, дырниках, австрийцах и пр.), имевших место на данной территории.

К тому же такое расхождение, вероятно, обусловлено мнением старообрядцев о чистоте веры: старообрядцы чтили лишь свою веру, православных же и всё, что было связано с мирскими, считали «погаными». Языческое также относится к поганому [1, с. 193].

Лексема «поганиться» означала «оскверниться». Н. М. Малеча приводит такую иллюстрацию: «*Того, что Васенька “жрал табачище”, “был бритоусцем”, дедушка никогда не мог простить. Он даже и есть не садился из одной чашки-ложки с сыном: крепок был в вере, не хотел поганиться*» [9, с. 219].

Прилагательное «поганый» имело значения: 1) нечистый, предназначенный для грязного белья; 2) осквернившийся, нехристь. *Никудышники православных считали погаными* [Там же].

В современном русском языке в семантической структуре лексемы «поганый» сохраняется компонент «нехристианский» с пометой «устар.» [14, с. 165].

В старообрядческой вере бытовало слово «поганка». Поганка – о неряшливой женщине, не придерживающейся старообрядческих норм предосторожностей от «осквернения» (посуды, рук и т.д.). *Так, поганка какая-то: ни чистого, ни поганого не разбирает. Ты ведь чистый ведро запоганила, поганки вы такие. Чистую хозяйку называют чистюля, а грязну – поганка* [9, с. 219].

Сочетание прилагательного *чистый* мужского рода с существительным *ведро* во втором примере – факт общепринятого употребления. Как известно, в уральском диалекте, как в тюркских языках, нет слов среднего рода.

Существенным, немаловажным признаком веры старообрядцев был её *истовый характер (истовость)*. Что означало «истово»? Слово «истово» имело значение «как следует», что подчёркивает культовый характер религиозных обрядов уральских (яицких) казаков.

В словаре уральских говоров понятие «истовость» представлено достаточно подробно. В исследованных нами примерах говорится: «*Ковшиком истово наливай (воду) к “себе”, а не наотмашь (“от себя”); Крестится он (казак) истово*» [8, с. 138].

Приведем примеры, характеризующие различные значения лексемы «истовость». Прилагательное «истовый» имеет следующее толкование: 1. истинный, соответствующий канонам старообрядческой веры (крест истовый – двуперстного сложения, иконодревнего, старообрядческого письма и т.п.). *Взяли икону: ладно, скыди, краски тёмны – образ истовый. Большую часть дня старухи проводили в молитве, в наставлении антоновцев «истовой вере». По мне так все равно: тот ли образ, другой ли, был бы только истовый;* 2. настоящий, неподдельный. *Позадь овец идет человек, как есть человек, истовый человек, но такой превеличайший, что твоя колокольня* [Там же].

В словаре русского языка представлены следующие дефиниции: «Истовый. 1. именно такой, каким должен быть по сложившимся представлениям, обычаям; настоящий, истинный. 2. чинный, степенный» [13, т. 1, с. 689].

Данные значения лексемы устарели, для языкового сознания современных носителей языка актуально значение, отраженное в толковом словаре С. И. Ожегова: «Истовый (устар.). Очень усердный, ревностный. *И. поклон. Истово (нареч.) кланяться*» [11, с. 209].

Истовый характер молитв, обрядовых действий подчеркивает неизменность веры старообрядцев-казаков [3, с. 75-76], стремление к ее сохранению и нерушимости традиционных устоев.

В религиозном сознании старообрядцев важное место занимает понятие «крест».

В «Азбуке христианства» отмечается: «Православные и католики начинают крест любой формы, старообрядцы только осьмиконечной» [1, с. 132].

В словаре говоров уральских (яицких) казаков Н. М. Малечи говорится: Крест – осьмиконечный крест – религиозный символ и предмет почитания у старообрядцев (ур. казаки). Крест истовый – двуперстного сложения, иконодревнего, старообрядческого письма и т.п. [7, с. 138]. *Они (уральские казаки), говорит, теперь в загоне, претерпевают от графа... Чернышева великую изневагу насчет вашего креста и бороды* [8, с. 280-281].

Русский крест – осьмиконечный, у старообрядцев – трисоставный [1, с. 132].

Н. М. Малеча сообщает подробности: «Крест с теремком – старообрядческий 8-конечный крест с деревянной двускатной крышей на верхнем торце (ставят его на могилах)» [8, с. 281].

Обратим внимание на примечательную деталь традиционных религиозных обрядов, в которой отражается переносное значение слова. «Кресты – устаревшая (религиозная) дата — «релом» (середина) Великого поста, когда пекут ритуальные кресты. *Завтра перелом поста, кресты пекут*» [Там же, с. 282].

Слово «крест» активно использовалось казаками в обычной речи. Высокой частотностью употребления обладает также лексема «крещёный».

Крещёный – 1. православный; 2. принявший обряд крещения. *Их (старообрядцев) дразнили: в арбузной кадке крещёный* [Там же, с. 283].

Современным носителям языка незнакомо диалектное слово «кстить».

Кстить – 1. крестить, совершать религиозный обряд крещения *Австрицка вера была, поморска; родня соберется и молятся сами себе; дедушка детей кстит у них*; 2. избивать, бить [Там же, с. 300-301].

Кститься – креститься. *Не кстясь, не молясь выехали. Нонче ведь как: встали и не кстясь, не молясь, по кинам. Не кстясь, не молясь за стол усаживаются. Куда эт ты так торопишься, не кстясь, не молясь* [Там же, с. 301]?

Как известно, старообрядцы для крестного знамения складывают пальцы следующим образом: указательный и слегка согнутый средний сложены вместе, кончики остальных трех пальцев касаются друг друга [1, с. 133].

Перст – слово многозначное. Значения лексемы характеризуют существенные отличия в совершении крестного знамения старообрядцами и православными (двуперстие и троеперстие): «Два пальца, которыми крестятся старообрядцы, т.е. указательный и средний. *Молись двумя перстами. Перст – два пальца для креста*»; «Три пальца, которыми крестятся православные (большой, указательный, средний)» [9, с. 174].

Привычным и понятным для уральских казаков было слово «крестовая».

Крестовая – 1. домашняя молельня старообрядцев. *В крестовой собирались старухи псалтырь послушать. Крестовые раньше были у богачей, туда лишний раз не входили, а так молились там. Через неделю он (Кабатов) созвал казаков в крестовой, - так называли кулугоры свою молельню* [8, с. 282]. Лексема имеет также значения: «гостиная» и «четвертая неделя Великого поста» (*Крестова – четверта неделя*) [Там же].

Лексеме «крестовая» синонимично значение слова «моленный». Моленный – молитвенный, предназначенный для моления, для отправления религиозных обрядов (у старообрядцев). *И были там старый собор, моленный. Моленные дома были у московских* [Там же, с. 435].

В литературных источниках о традициях старообрядцев часто встречается слово «азям». Моленный азям (мужчины ходили в нем молиться). Слово «азям» – многозначное. В словаре говоров Н. М. Малечи указывается, каким образом выглядела эта непременная одежда старообрядцев-мужчин: «Длинный халат до пят, обычно черного цвета, книзу шьется шире, из шерстяной или шелковой материи» [7, с. 60].

В словаре современного русского языка имеется следующее толкование лексемы: «Азям – старинная верхняя одежда крестьян, имеющая вид долгополого кафтана. *Недалеко от нас сидела группа старых казаков... в длинных старинного покроя кафтанах, называемых здесь азямами* (Короленко. У казаков)» [13, с. 27].

Мы рассмотрели лексические единицы с компонентами семантики, отражающими особенности вероисповедания старообрядцев, связанными с важными и значимыми культовыми понятиями и представлениями. Как видим, функционирование лексики обусловлено мировосприятием старообрядцев, спецификой вероисповедания, духовной культурой уральских (яицких) казаков.

В словаре говоров уральских (яицких) казаков Нестора Михайловича Малечи мы обнаружили уникальные сведения, подчеркивающие самобытность русского народа и своеобразие русских говоров.

Список литературы

1. **Азбука христианства:** словарь-справочник / сост. А. Удовенко. М.: МАИК «Наука», 1997. 288 с.
2. **Архипова Н. Г.** Говоры старообрядцев – семейских Амурской области: к вопросу о неоднородности лексического состава // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32). Ч. 1. С. 30-33.
3. **Гурская Н. В.** Патриархальные обычаи как неотъемлемый фактор складывания самобытных культурных элементов Уральского (Яицкого) казачества // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 16. С. 74-82.
4. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. А-З. 699 с.
5. **Железнов И. И.** Уральцы (Очерки быта уральских казаков). Уральск: Оптима, 2006. 320 с.
6. **Изюмов А. И.** К вопросу об областной идеологии казаков-старообрядцев р. Урала // Старообрядчество: история, культура, современность: мат-лы науч.-практ. конф. М.: Принтер, 2000. С. 58-61.
7. **Малеча Н. М.** Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4-х т. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003. Т. 1. 496 с.
8. **Малеча Н. М.** Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4-х т. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003. Т. 2. 592 с.
9. **Малеча Н. М.** Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4-х т. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003. Т. 3. 568 с.
10. **Мельникова Т. В.** Социокультурная маркированность казачества и особенности её вербальной репрезентации в художественных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. 1. С. 114-116.
11. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. Изд-е 19-е, испр. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
12. **Савичев Н. Ф.** Уральская старина. Рассказы из виденного и слышанного (избранные произведения). Уральск: Оптима, 2006. 358 с.
13. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 2-е, испр. М., 1981-1984. Т. 1. 696 с.
14. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 2-е, испр. М., 1981-1984. Т. 3. 749 с.
15. **Ягудина О. В.** Роль старообрядчества в общественно-религиозной жизни Оренбургского и Уральского казачества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5 (141). С. 121-126.

FROM LANGUAGE OF THE URAL (YAIK) COSSACKS TO SPIRITUAL FAITH AND CULTURE

Pirmanova Nazira Ismekovna, Ph. D. in Philology
Orenburg State Pedagogical University
nazira056@mail.ru

The article considers the language features of the Ural (Yaik) Cossacks' dialects represented in the dictionary of N. M. Malechi. The study of lexemes and expressions semantics that characterize significant for the Old Believers Ural Cossacks notions is conducted to identify ethnic and cultural information. The material studied in the work allows broadening the range of semantic components in the structure of words, determining the originality, the sphere of their use, and finding out link elements between the specificity of a dialect and the Christian traditions.

Key words and phrases: Old Believers dialects; Ural (Yaik) Cossacks; culture; –faith”; –zeal”; –eross”.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению феномена куклы в литературе XIX-XXI вв. Основное внимание уделяется авторским трансформациям – романтической у Э. Т. А. Гофмана, модернистской у А. Грина, постмодернистской у Д. Рубиной – сюжета о любви героя к кукле. Акцентируется идея опасности механизации жизни – подчинения общего хода бытия ходу заводного механизма, в этом контексте образ куклы воспринимается как воплощение бездуховного, враждебного человеческой органике начала.

Ключевые слова и фразы: феномен куклы в литературе; трансформации сюжета; Э. Т. А. Гофман; А. Грин; Д. Рубина; современная отечественная литература.

Полупанова Анна Владимировна, к. филол. н.
Башкирский государственный университет
avrolupanova@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ «КУКОЛЬНОГО» СЮЖЕТА В ПРОЗЕ XIX-XXI ВВ.:

Э. Т. А. ГОФМАН («ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК») – **А. ГРИН («СЕРЫЙ АВТОМОБИЛЬ»)** –
Д. И. РУБИНА («СИНДРОМ ПЕТРУШКИ») ©

Тема куклы, символизация и мифологизация кукольного, механического, неживого начала имеет длительную традицию в истории мировой литературы. Оказываясь в центре или на периферии сюжета, эта тема становится значимым элементом поэтики таких произведений XIX-XXI вв. как «Песочный человек» (1817), «Автоматы» (1821) Э. Т. А. Гофмана, «Ярмарка тщеславия» (1848) У. Теккерея, «Пагубные последствия необузданного воображения» (цикл «Двойник, или Мои вечера в Малороссии») (1828) А. Погорельского, «Пестрые сказки» (1833) В. Одоевского, «Игрушечного дела людишки» (1880) М. Салтыкова-Щедрина, «Кукольный дом» (1879) Г. Ибсена, «Кукла» (1890) Б. Пруса, «Мелкий бес» (1905) Ф. Сологуба, «Серый автомобиль» (1925) А. Грина, «Король, дама, валет» (1928) В. Набокова, «Кукла» («Акимыч») (1982) Е. Носова, «Маленькая волшебница» (1996) Л. Петрушевской, «Красная сосна» (1993), «Жуклакэт» (2000) Ю. Ковалева, «Синдром Петрушки» (2010) Д. Рубиной и многих других. Тема куклы закономерно возникает в текстах XIX-XX вв., составляющих круг детского чтения: «Щелкунчик, или Мышиный король» (1821) Э. Т. А. Гофмана, «Черная курица, или Подземные жители» (1829) А. Погорельского, «Городок в табакерке» (1834) В. Одоевского, «Три толстяка» (1928) Ю. Олеши и других.

В рамках предлагаемой статьи обратимся к трем созданным в разные культурно-исторические эпохи произведениям: новеллам «Песочный человек» Э. Т. А. Гофмана и «Серый автомобиль» А. Грина и роману «Синдром Петрушки» Д. Рубиной – как наиболее репрезентативным для научного осмысления обозначенной выше проблемы и представляющим собой своего рода «инварианты» сюжета о вмешательстве куклы в жизнь человека. Рассмотрим, как образ куклы от конкретно-бытового артефакта перерастает в символическое воплощение враждебного человеческой природе начала, как через постижение границ между одушевленным/неодушевленным, живым/механическим, мнимым/подлинным раскрывается трагедия героя в мире, отмеченном унификацией этих начал.

Новелла ужасов «Песочный человек» построена на характерном для романтика Э. Т. А. Гофмана пересечении фантастического и правдоподобного, условного и реального, иллюзорного и достоверного, не без налета мистификации. Сюжет новеллы начинается разворачиваться на основе воспоминаний студента Натанаэля о своих детских кошмарах – о Песочном человеке, швыряющем песком в не желающих спать детей и крадущем их. Песочник выступает воплощением потусторонней, темной, враждебной человеку силы, направленной